

18+

Наталья Червяковская

**Мимикрия:
таких, как мы,
согреет только
батарея вьюги**

Современная проза и поэзия

Наталья Червяковская

**Мимикрия: таких, как мы,
согреет только батарея вьюги.
Современная проза и поэзия**

«Издательские решения»

Червяковская Н.

Мимикрия: таких, как мы, согреет только батарея выюги.

Современная проза и поэзия / Н. Червяковская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695775-6

Книга «Мимикрия: таких, как мы, согреет только батарея выюги» — это пронзительная история о вере, исцеляющей от утраты и тоски, и об обретении хрупкого семейного счастья. В центре повествования — молодая женщина по имени Тайна, её супруг Лев, художник-реставратор и иконописец, и их маленькая дочь Танюша. Сквозь бытовые трудности и глубокие личные потери они идут к свету, согреваемые теплом православных традиций, нерушимыми ценностями семьи и беззаветной любовью к своей Родине.

ISBN 978-5-00-695775-6

© Червяковская Н.
© Издательские решения

Содержание

Мимикрия: таких, как мы, согреет только батарея выюги	6
Холодный март разбавлен тишиной, за стёклами – весна в борьбе с зимой	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мимикрия: таких, как мы, согреет только батарея выюги Современная проза и поэзия

Наталья Червяковская

© Наталья Червяковская, 2026

ISBN 978-5-0069-5775-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мимикрия: таких, как мы, согреет только батарея вьюги

*Посвящается моей любимой мамочке,
Халяпиной Татьяне Дмитриевне,
Моему незримому Ангелу-Хранителю, моей ласковой голубке.*

Шестые сутки...
Лишь вой вьюги.
Мимикрия.

Шестые сутки гложет изнутри тоска,
Железной хваткой давит пальцы у виска.
Она сжигает медленно, дотла, до пустоты,
И в каждом отражении – знакомые черты.
И прошлое, как тень, является ко мне опять,
Стремится нападать и заставляет вспоминать.
Двенадцать лет – как дюжина прекрасных, горьких уз,
На сердце до сих пор лежит невыносимый груз.

Мы – Мимикрия. Пустота, одетая в шелка.
Нас друг от друга увела незримая река.
Мы притворялись, что живём, вдыхая горький дым,
Но каждый в этом союзе был призраком немым.
Подстройка под чужую боль, фальшивый блеск в глазах —
Так превращается любовь в холодный, липкий прах.
Мы маски клеили к щекам, забыв свои черты,
Чтоб не сойти с ума в плену звенящей пустоты.

В пустой квартире тишина остра, как битый шквал,
И дом наш – старый, тесный склеп, где прежде бал сиял.
Лишь батарея, как старик, хрипит своим теплом,
Пока зима хоронит нас под белым полотном.
О ком кричат мои стихи? О том, кто стал родным,
С кем путь двенадцати годов развеялся, как дым.
Мы греем зябкий кокон из обманчивых надежд,
Скрывая язвы на душе под ворохом одежд.

Вой вьюги рвёт сырую мглу, врывается в проём,
Руины рухнувших миров горят немимым огнём.
Нет веры в завтрашний рассвет, ни света, ни пути,
Лишь этот скрежет ледника в измученной груди.
Шестые сутки... Долгий век... Остывшая зола.
Нас мимикрия в темноту бесследно увела.
И только старый радиатор в такт судьбе дрожит,
Пока за окнами метель седой саван шьёт в ночи.

Два абсолютно разных человека – разного возраста, с разными увлечениями, вкусами и взглядами на жизнь – однажды небрежно скользнули взглядами друг по другу. Чужой. Не мой. Просто человек. И слово за слово, пошло-поехало... Два циника, две «программки», начисто лишённые веры в любовь и высокие чувства. Что, чёрт возьми, происходит? А потом они начали думать. Друг о друге. Начали ощущать на собственной коже присутствие этого чужого человека, его тепло, его след. В мыслях не было – и уж тем более не планировалось – никакой любви. Но шли часы, дни, недели, месяцы, годы... И случилась мимикрия душ. Они стали похожи.

Они встретились, как встречаются два случайных пассажира в вагоне метро: мельком, без интереса, с внутренней пометкой «чужой». Он был старше её на двадцать четыре года, с приросшим к пальцам пеплом цинизма и коллекцией разочарований вместо принципов. Она – моложе, с умом острым, как бритва, и уверенностью, что все высокие слова – лишь удобная упаковка для человеческих слабостей. Два одиноких острова, прекрасно обходившихся без мостов.

Первые слова были колкостями. Первые диалоги – изысканной дуэлью, где каждый выпад парировался с холодным мастерством. Они говорили о книгах, которых не любили, о музыке, которая надоела, о людях, которые раздражали. Нашли странную гармонию в этом совместном отрицании всего и вся. «Ты тоже так думаешь?» – не произносилось вслух, но витало в воздухе, становясь первым, едва уловимым пунктом сходства.

Потом начались детали. Он невольно запомнил, как она морщит нос, слыша банальность. Она уловила, как он отстукивает ритм пальцами по столу, когда задумывается. Они начали ловить эти мелочи, как коллекционеры, не признаваясь даже себе, зачем это нужно. Тепло от плеча, случайно задевшего другое плечо в толпе. След от чашки на столе, оставленный не собой. Физическое присутствие Другого перестало быть абстракцией, стало осязаемым фактом, с которым приходилось считаться.

Они не собирались меняться. Каждый был доволен своей броней. Но незаметно, в разговорах, длившихся до рассвета, в тишине, которая перестала быть неловкой, начался процесс незапланированного обмена. Он перенял её привычку иронизировать над определёнными вещами. Она – его манеру аргументировать. Словарный запас смешался. Шутки стали общими, понятными только им двоим. Их внутренние монологи начали звучать на одном диалекте скепсиса, который постепенно смягчался, теряя свою ядовитую остроту.

Шли месяцы. Годы. Они по-прежнему отрицали любовь, называя происходящее «удобным симбиозом», «привычкой», «странной дружбой». Но однажды, глядя, как он что-то объясняет, жестикулируя точно так же, как это делала она вчера, она с тихим ужасом осознала: он стал её отражением. А он, слушая её рассуждения, слышал в них эхо своих собственных мыслей, но прошедших через призму её восприятия и ставших... яснее. Лучше.

Это и была мимикрия душ. Не слияние, а медленное, молекулярное заимствование. Они, как два упрямых растения, росших рядом на скудной почве, переплелись корнями незаметно для самих себя, чтобы выжить. Выжить не физически, а экзистенциально – в мире, который оба считали бессмысленным и одиноким. Их цинизм, бывший стеной, стал общим языком, на котором они, сами того не желая, написали новую, общую историю.

Они стали похожи не потому, что кто-то кого-то скопировал. А потому, что создали третью, общую сущность – «мы», собранную из осколков двух «я». И в этой новой, хрупкой и прочной конструкции неожиданно нашлось место чему-то, что они когда-то, очень давно, согласились бы назвать любовью. Но теперь уже не называли. Просто жили с этим. Как с самым неопровержимым и тихим фактом.

Конец марта. Серость вперемешку с молодой зеленью и цветами, которые куда-то спешат – приземистые крокусы, гиацинты, пролески, примулы. Куда же им так не терпится? Может, засиделись в зимней спячке, в долгом подземном заточении – хочется явить миру свою красоту. Любуйтесь! А за окном – холодно, неудобно. Лишь взгляд падает на этих неуёмных, разукрасивших серый пейзаж из туч и грязных луж.

Так и она, Тайна, шла по вечернему городу в этот холодный, неудобный мартовский вечер. Ей чуть за сорок. Среднего роста, женственная фигура – не по нынешним худосочным меркам. Она и сама была воплощением женственности: тонкая талия, красивая, небольшая грудь, округлые бедра – словно гитара или спелая груша. Тонкие запястья, стройные ноги. Волосы до плеч, без чёлки. Красивая шея с родинкой с правой стороны. Пухлые губы, ямочки на щеках, прямой небольшой нос. Глаза слегка раскосые, миндалевидные, зелёного цвета. На ней было чёрное пальто-оверсайз, классические тёмные брюки, изумрудная блузка в тон глазам. Дорогой вечерний парфюм – сладковатый, с нотами цитруса и пряных трав. Красивая, дорогая обувь, сумка. Куда она шла? Или откуда? Она просто шла, после двух лет заточения в собственной квартире, возвращаясь в мир.

– Девушка, не подскажете, как пройти к станции метро? – обратился к ней молодой человек лет тридцати трёх, может, чуть больше. Плотного телосложения, коротко стриженный, с аккуратной бородой. Тёмные глаза, красивая улыбка и белоснежные зубы. Сам его взгляд излучал доброту. – Девушка, это я к вам обращаюсь.

– Простите, – отозвалась молодая женщина. – Да какая я девушка... Туда, метров двести вперёд, затем направо – увидите.

– Спасибо, – кивнул мужчина. – Меня зовут Лев. Хоть я и царь зверей, но кроткий... – не успел он договорить.

Незнакомка остановилась, посмотрела на него. – И то верно... Какой же ты Лев.. Горыня скорее, – сказала она.

Он рассмеялся. – Девушка, позвольте поинтересоваться, а вас как величать? – спросил Лев.

– Тайна, – ответила женщина.

– Тайна? – удивлённо переспросил молодой человек.

– Верно. Тайна Мироновна, – спокойно произнесла она.

– Красиво, – оживившись, сказал мужчина. – А давайте выпьем кофе? Или поужинаем?

– А давайте, – отозвалась женщина. – Хотя вам же на метро... Вы, я так понимаю, гость столицы?

– Верно, – ответил Лев. – Живу здесь третий месяц, в хостеле. И никак не могу привыкнуть к этим веткам метро.

– Ничего, всё очень просто. Главное – внимательно смотрите на табло. Научитесь, – сказала Тайна.

Они зашли в небольшое кафе с тёплым светом и запахом свежей выпечки. Пока Лев снимал куртку, Тайна успела заметить едва уловимые, но многочисленные следы на его джинсах и тёмном свитере: тонкие засохшие мазки охры, капля ультрамарина на манжете, прилипшая к ткани ворсинка от кисти. Его руки, сильные и широкие в ладонях, тоже хранили следы ремесла: кончики пальцев были слегка шершавыми от скипидара, а под ногтем указательного пальца притаилась чёрная точка, похожая на крохотную запятую из сажи и масла.

Официант встретил их приветливым кивком и жестом указал на свободный столик у окна. Лев, прежде чем погрузиться в меню, попросил просто стакан чистой, прохладной воды – чтобы собраться с мыслями и затем обдуманно сделать выбор.

Она села напротив и, пока он изучал меню, мысленно соединила эти детали. Не офисный работник, не строитель. Художник. Или реставратор. В её воображении сразу возникла просторная мастерская с высокими окнами, пахнущая лаком и красками, а его плотные, неловкие в быту пальцы уверенно держали тонкую кисть.

– Кофе? Или, может, согреться чем-то покрепче? – спросил Лев, отрываясь от карточки.

– Капучино, пожалуйста, – ответила Тайна. Ей внезапно захотелось задать прямой вопрос, но она сдержалась. Пусть всё идёт своим чередом. – Вам нравится Москва?

– Город тяжёлый, но с характером, – задумчиво сказал он. – Как хорошая картина старых мастеров: сначала кажется тёмной и мрачной, а потом начинаешь различать оттенки, световые лучи, глубину. Я много хожу пешком, смотрю.

Он говорил о районах, об архитектуре, и его язык невольно становился образным, живописным. «Фасад там, как потрескавшийся левкас», «воздух сегодня густой, как свинцовые белила». Тайна слушала, пряча лёгкую улыбку. Она не ошиблась. Её собственная двухлетняя изоляция, прожитая среди книг и тишины, обострила в ней способность замечать мельчайшие детали, читать незнакомые истории по намёкам и следам.

Когда принесли воду, Лев взял свой стакан, и Тайна ещё раз взглянула на его кисть. Шрам от острого ножа или стекла пересекал сустав большого пальца старой серебристой полосой.

– Это тоже профессиональное? – не удержалась она, кивнув на руку.

Он посмотрел на шрам, потом на неё, и в его тёмных глазах мелькнули удивление и одобрение.

– Молоток для подрамника подвёл, – усмехнулся он. – А вы наблюдательная. Да, я занимаюсь живописью. В основном реставрацией. Вот переехал сюда по контракту, работаю в мастерской при одном музее.

В его голосе не было ни тщеславия, ни позы, лишь спокойное признание факта, как если бы он назвал себя слесарем или врачом. Тайна почувствовала странное облегчение, будто сложила последний кусочек пазла. Мир за окном кафе, холодный и серый, вдруг отступил, уступив место теплу этого столика, за которым сидели двое одиноких людей с очень разным, но одинаково кропотливым опытом заточения: она – в четырёх стенах своей квартиры, он – в тишине реставрационных мастерских, лицом к лицу с чужими временами и судьбами, запечатлёнными в краске.

– Лёвушка Горыня, скажите мне, пожалуйста, – вдруг заговорила Тайна, обращаясь к молодому человеку.

Они ждали свой заказ, а пока нужно было о чём-то говорить – этим двум чужим, незнакомым друг другу людям.

– А вы что здесь делали? В нашем районе, я так думаю, впервые? Искали станцию метро? – не унималась Тайна.

– Правильно, Таюша... ой, прошу прощения, Тайна Мироновна, – осекся Лев.

– Зовите меня просто Тайна, – мягко улыбнулась женщина.

– Мне очень нравится, как вы меня назвали – Таюша, – прозвучало в ответ.

И тогда красивая молодая женщина с редким именем Тайна тихо отозвалась своему собеседнику. Для него она и была той самой тайной, ниспосланной кем-то свыше в этот вечер – нежным, мимолётным и необъяснимым даром.. Я же вас зову незнакомого человека Лёвущей-Горыней. Вы как богатырь из русской сказки, затерянный в холодном мегаполисе этой затянувшейся промозглой весны.

– Вы угадали, – тихо ответил мужчина. – Проницательная, мудрая и очень красивая.

– А знаете, давайте перейдём на «ты». И вообще я человек прямой – всегда называю вещи своими именами, – уверенно добавил Лев.

– Договорились, – кивнула Тайна.

Она посмотрела на него – не оценивающе, нет, отнюдь. Она просто за два года заточения в своей квартире устала от одиночества, оттого что не было живого общения. Последние шесть дней тоска сдавливала горло так, что Тайна решила: это уже финал. Или она сдаётся, или выходит на улицу – к миру, пусть даже в этот промозглый мартовский вечер.

Она приняла душ, надела новый красивый наряд, сделала лёгкий вечерний макияж. Неделию назад отрезала длинные волосы, оставив мягкую волну по плечам. Молодая женщина должна жить ради себя – наконец обрести вкус жизни, её радость. И вот он, этот незнакомец,

спрашивал у неё, как добраться до метро, каких-то сорок минут назад... а теперь они уже сидели за одним столом и перешли на «ты».

Боже, как ей нравилось это происходящее с ней чудо. Он, этот Лев, и был чудом – ангелом, спасителем, неважно кем. Она так рада.

– Таюша, всё в порядке? – вдруг Лев отвлёк её от мыслей.

– Да, всё хорошо, – ответила она, чуть смутившись. – Просто отвыкла.

– Отвыкла? Отчего же?

– От простого человеческого общения. От живых глаз, смотрящих на меня.

Помолчав, она снова спросила, уже мягче:

– Лев, скажи наконец, что ты делал в нашем районе?

– Вещи сдавал в стирку.

– В стирку? – переспросила Тайна.

– В хостеле сломалась стиральная машинка и сушилка. А мне нужна чистая одежда... вот и перед тобой, такой красивой, сижу непонятно в каком виде, – засмутился молодой человек.

– Понятно, – тихо сказала Тайна, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на нежность.

Потом она вдруг оживилась:

– Лев, скажи... у тебя есть ещё пара часов для кое-какого дела?

Лев посмотрел на неё с лёгким, почти незаметным сомнением. И в этот момент Тайна рассмеялась – звонко, по-девичьи.

– Ты, Горыня, меня неправильно понял! Ты как мужчина меня не интересуешь, я не об этом! – И она снова залилась смехом, будто сбрасывая последние оковы одиночества.

– Давай просто поужинаем, выпьем кофе, – предложила она, и в её голосе звучала лёгкость, давно забытая. – Appetit разыгрался не на шутку.

Она будто пробуждалась из долгой спячки, как первый весенний цветок, оживая здесь и сейчас – с этим молодым человеком, похожим на русского богатыря из сказки.

В этот момент официант принёс заказ – ничего особенного: два салата, пиццу, кофе.

– Приятного аппетита, Горыня, – сказала Тайна, и её взгляд стал тёплым, почти родным.

– Благодарствую, – ответил Лев.

Она посмотрела на него с такой душевной теплотой, что у него внутри всё перевернулось. Желание, что ли... Она будоражила его мужское естество, да и вообще – она ему нравилась. Чудная, правда, но такая красивая. И, подобно земной женщине – тёплой, настоящей, – она расцвела не в свой черёд, будто изысканный летний цветок. В ней явилась та дивная роскошь и первозданная красота, что живут лишь в цветке, выросшем на вольном поле, в его тёплом дыхании и упругости лепестков.

Горыня, не смотри на меня так, а то я вдруг подавлюсь, – осеклась Тайна под его пристальным взглядом. Лев промолчал, но смотреть не перестал – она нравилась ему всё больше. Если быть откровенным, он никогда не засматривался на тех роскошных дамочек; все они казались надменными, будто из другого мира, где на первом месте – земные блага: деньги, статус, положение, квартиры, машины, яхты. Он был в разводе – с бывшей супругой не сложилось, детей не было. Она винила его. Он же просто предложил расстаться мирно: оставил ей квартиру, а сам уехал в Москву, куда его давно звали на реставрацию в музей. Бытовые условия, мягко говоря, оставляли желать лучшего, да и контингент вокруг попадался разный – а художнику порой нужны тишина и вдохновение. Но он решил не сдаваться. Справится. Поэтому последние полгода ни с кем не общался – хоть и оставался молодым, жизнерадостным мужчиной, и женское внимание ему не чуждо было... но увы. «Значит, нужно это пережить», – как любил повторять сам себе Лев.

– Лев, а сколько тебе лет? – спросила Тайна.

– Тридцать четыре, – ответил он.

– Молодой ещё совсем, – заметила она.

– Ну что, подкрепились – и в путь двинем, – не унималась женщина.

Шагать минут двадцать. Следуй за мной и ни о чём не тревожься, не спрашивай ни о чём. Лев улыбнулся: «Да я и не боюсь. Веди меня, моя Тайна».

Она нажала кнопку, вызывая официанта для расчёта. Лев расплатился сам.

– Благодарю, – сказала Тайна.

– Это нормально, – будто оправдываясь, произнёс Лев. – Мужчина я, я и угостил. Тема закрыта. Веди же меня, моя прекрасная незнакомка, к ещё одной тайне.

Лев вновь замер, смущённый её присутствием, и в нём пробудилось заметное волнение, смешанное с обычным человеческим любопытством: куда же ведёт его эта необыкновенная женщина, с которой он знаком всего каких-то два часа?

Она тихо сказала:

– Я возьму тебя под руку, Левушка. У меня куриная слепота – ночью плохо вижу.

– Ничего, – ответил Лев. – Главное – говори, куда путь держим. Я поддержу.

Они вышли. Она прижалась к нему – и дрожала.

– Ты чего, Таюша? Замёрзла? – спросил Лев.

– Не стесняйся, прижмись – я согрею. Надо одеваться потеплее.

Тайна молчала, ведя его прямо, потом свернула – и они пошли тёмными улицами.

Они шли безлюдными дворами, где фонари встречались редко и светили тускло, отчего тени сгущались, становились густыми и бесформенными. Тайна уверенно вела его, поворачивая в арки и проходы, известные, казалось, только ей. Лев чувствовал, как она всё крепче прижимается к его руке – не столько от холода, сколько от внутреннего напряжения. Воздух пах сыростью, опавшей прошлогодней листвой и призрачным дымком из далёких труб – терпким запахом спящего города. Это был холодный мартовский вечер в историческом сердце города, где время, казалось, замерло в каменной дрёме.

Наконец они вышли к старому, массивному зданию, похожему на дореволюционный доходный дом. Фасад был скрыт вьющимся плющом, а на уровне второго этажа угадывался огромный, почти во всю стену, витраж, теперь тёмный и безмолвный. Тайна подвела его к неприметной тяжелой двери с кованой ручкой, достала из кармана ключ, и с лёгким скрипом открыла её.

Внутри пахло красками, скипидаром, старым деревом и пылью – благородным, сложным запахом творчества. Тайна щёлкнула выключателем, и мягкий свет от нескольких абажуров, свисающих с высокого потолка, разлился по пространству. Это была огромная мастерская. Под потолком тянулись рельсы для передвижных стремянок. Вдоль стен стояли мольберты: одни – с зачехлёнными холстами, другие – с незаконченными работами, где мазки краски складывались в абстрактные формы и смутные силуэты. На широких столах царил творческий хаос: тюбики с краской, банки с кистями, палитры, заляпанные всеми цветами радуги, скульптурный пластилин, стопки эскизов.

В центре, на постаменте, покоилась гипсовая фигура – начало какого-то большого замысла. Огромные окна, выходящие во внутренний двор, теперь отражали лишь уютный свет ламп и их смутные силуэты. Пол, покрытый слоем вечной творческой пыли, был испещрён случайными каплями и брызгами. Было тихо, свято тихо, как в храме, где время течёт иначе.

– Это моя тайна для тебя, Лёвушка, – тихо сказала женщина, отпуская его руку и делая несколько шагов вперёд. Она обернулась, и в её глазах, теперь освещённых мягким светом, читалась смесь гордости, уязвимости и немого вопроса. – Здесь мастерская художника. Есть ещё две комнаты, спальня, кухня, санузел с душевой. И я хочу предложить тебе, Горыня, здесь поселиться.

Лев, если честно, потерял дар речи. Он что угодно представлял себе, пока они шли этими дворами, но то, что она ему предложила... Его мечту на блюдечке с голубой каёмочкой. Женщина, которую он знал каких-то два часа. «Что происходит?» – сказал он, обращаясь к Тайне. – Я польщён, конечно, таким предложением, но не посмею принять.

– А кто тебя будет спрашивать? – вдруг твёрдо ответила Тайна. – Знаешь, Лёвушка, такие мастерские и созданы для того, чтобы в них творили талантливые люди. А не скитались по хостелам. Здесь есть всё для жизни и работы. Это мастерская моего покойного мужа. Он

покинул этот мир, свои работы и меня два года назад – нехорошая болезнь. А я всё это время тону в тоске по нему. И вот ты появился... будто ангел, посланный с небес. И я хочу помочь тебе, – голос её смягчился. – Просто помочь. Ничего не требую взамен. Разве что беседы по душам – не в кафе, а здесь, за чашкой кофе. Встанешь на ноги, съедешь, будет возможность – оплатишь содержание мастерской. А пока я готова протянуть эту руку помощи. Жизнь одна, Лёвушка, и обрывается она так быстро. Так что лови момент. А всё остальное... – она махнула рукой в сторону окна, в ночь, – это просто декорации.

Лев замер, всматриваясь в застывший мир красок и тишины. Воздух мастерской, густой и пряный, словно просачивался в самую глубь его существа, пробуждая нечто давно забытое, дремавшее на дне души. Он медленно прошёлся вдоль стены, кончиками пальцев касаясь шершавой кожи незаконченного холста; под ногами хрустела засохшая краска. Это была не просто крыша над головой. Это было возвращение к самому себе.

– Я не знаю, что сказать, – наконец выдохнул он, поворачиваясь к Тайне.

Она стояла у высокого окна, скрестив на груди руки, и ждала. Её лицо в полумраке было спокойным и строгим.

– Это слишком щедро. Слишком неожиданно. Я... я не могу принять такую жертву.

– Это не жертва, – тихо, но с неожиданной твёрдостью возразила она. – Это спасение. Сначала – для тебя. А потом, быть может, и для меня. Эти стены слишком долго молчали. Здесь должно слышаться дыхание живого художника, скрип мольберта, запах терпентина. Иначе всё это – просто склеп. Я не могу здесь оставаться, но и отдать первому встречному – не в силах. А ты... ты пришёл.

Он подошёл к гипсовой фигуре на подставке, невольно отмечая точность постановки руки, верность пропорций. Работа знающего мастера. В груди у Лева кольнул острый укол – смесь профессиональной ревности и глубочайшего уважения. Здесь жила душа другого художника. Сможет ли он, Лев, занять это место? Не осквернит ли память своим присутствием?

– Он был бы не против, – словно подслушав его мысли, сказала Тайна.

Она подошла ближе, и теперь он разглядел влажный блеск в её глазах.

– Он верил, что искусство – это река. Один уходит, другой приходит, чтобы продолжить. Он оставил не законченные работы, а пространство для них. Пространство, которое теперь просит жизни. Останься, Лев. Хотя бы на время. Позволь судьбе сделать тебе этот подарок. Позволь и мне сделать его.

Лев закрыл глаза. Внутри бушевала борьба – между гордостью и здравым смыслом, между осторожностью и тем ликующим, жадным чувством, что уже пело в крови при виде северного света, льющегося из высоких окон. Он вспомнил свою каморку в хостеле, вечный шум за тонкой стенкой, невозможность собрать мысли. А здесь – благоговейная, звенящая тишина. Здесь можно работать.

Он открыл глаза и встретил её взгляд. В нём не было ни жалости, ни расчёта – лишь тихая, непоколебимая решимость.

– Хорошо, – тихо сказал он. – Я останусь. Попробую. Но только на твоих условиях. И с одним моим: я буду платить тебе, как только смогу. Хоть символически. Иначе я не смогу здесь творить. Договорились?

Тайна медленно, будто с огромным облегчением, кивнула. И впервые за этот вечер по-настоящему улыбнулась. Улыбка была лёгкой, почти девичьей, и на мгновение стёрла с её лица печать одиночества и печали.

– Договорились, Горыня, – прошептала она. – Добро пожаловать домой.

В меду кофейном тонет шум трамвая,
Где март застыл у вечного порога.
Она молчит, страницы дней листая,
В нём узнавая росчерк полубога.
Он – кисть и пламя, мощь живых традиций,
В его руках смиряется металл и краски.
А в ней – покой застенчивой столицы,
Которую он вечно рисовал, писал.

Пусть между ними – пропасть лет и истин,
Но этот холод сблизил берега.
Мир за окном бесцветен и неистов,
В грязи дорожной топятся снега.
Но как из-под асфальтовых завалов
Крокус кричит о праве на рассвет,
Так в этом зале, тесном и усталом,
Рождается затерянный дуэт.

Она в его зрачках читает верность,
Он в ней находит дивный идеал.
Распалась предсказуемая мерность,
И шёпот чувств рассудок оборвал.
Её изящность – кружево над бездной,
Его надёжность – крепости гранит.
Союз случайный, хрупкий и железный,
Сырой апрель разлукой не казнит.

Пусть город спит под саваном туманным,
И гиацинт качает головой, —
Они пьяны предчувствием желанным,
Связав узлом свой жребий роковой.
В кофейном паре, в серой мгле столичной,
Где лёд сдаётся натиску травы,
Сплелись века в симфонии личной,
И выше нет небес, чем две главы.

Холодный март разбавлен тишиной, за стёклами – весна в борьбе с зимой

Прошёл месяц. Весна вступала в свои права, наполняя воздух мягким, живительным теплом. Лев перевёз два рюкзака, набитые вещами и особыми инструментами художника. А Тайна за эти дни преобразилась до неузнаваемости: теперь в лёгком спортивном костюме и удобных кроссовках она вместе со Львом азартно бралась за генеральную уборку – выметала прошлое из мастерской, оттирала годы с плиты на кухне, открывала окна в жилых комнатах, впуская свет.

Внешнее преображение было лишь отражением внутреннего. Гнетущая тоска отступила, уступая место приятной усталости и странному, забытому покою. И глаза её заблестели – не от слёз, а от ощущения новой жизни и собственной, простой и такой нужной, полезности.

Два года художественная мастерская стояла в безмолвии, будто затаив дыхание. На своём любимом диване, в окружении родных полотен, ушёл в мир иной прежний хозяин этого царства творчества – туда, где все мы когда-нибудь окажемся. Он умер на руках у своей прекрасной, молодой жены. Она была моложе его на двадцать четыре года. Прожили вместе счастливых двенадцать лет. Как любила говорить Тайна перед его уходом: «Мы прошли с тобой, мой родной, все гороскопы, полный круг».

Он угас быстро – сгорел за три месяца. Она была с ним до конца, его любимая Тайна. Он боготворил свою жену, свою женщину, свою Музу. Множество картин написал с неё. И эти последние двенадцать лет стали самыми светлыми и полными днями в его жизни.

Его всегда поражал один факт: сколько в ней доброты и ласки, света и тепла. Но она могла быть и серьёзной – нет, не истеричной. Один её взгляд, одно дыхание иначе – и он всё понимал без слов. Что она, его Тайна Мироновна, недовольна.

Познакомились на выставке его работ. Она – молодая девушка, двадцати шести лет, хорошенькая, аж сердце давит от её природной красоты. Венера? Нет, она была прекраснее. Его Тайна. Алексей Васильевич, её Алёша, часто говорил ей: «Родная, прости, что украл у тебя молодость. Тебе бы с молодежью, а ты – со мной, со стариком». «Ну, какой же ты старик!» – любила она повторять, помогая собирать его на мероприятия. Красивый, высокий, статный, холёный, талантливый, любимый... Она была абсолютно права в своих эпитетах. Он действительно не был обделён природной, аристократической красотой. Они были отличной парой и смотрелись здорово, хотя Алексей Васильевич немного ревновал жену. Он не то чтобы ревновал – он боялся её потерять. Она была ему необходима, как воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.